

ЭО, 2004 г., № 1

О.Ю. Артемова

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ “ПЕРВОБЫТНОСТИ” И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АВСТРАЛИЙСКИХ АБОРИГЕНОВ

До совсем недавнего времени в нашей этнологии анализ материалов по охотникам и собирателям всегда был составной частью изучения бесписьменных и безгосударственных культур, а оно, в свою очередь, велось как вспомогательное средство для разработки общей теории эволюции человеческого общества, т.е. реконструкции первобытной истории. Эта традиция перешла к нам от дооктябрьской эпохи. От нее нам досталось и весьма солидное наследство.

Первобытной историей интересовались и первобытную историю разрабатывали крупнейшие русские ученые, блестяще образованные, свободно читавшие научную литературу на иностранных языках, сотрудничавшие с зарубежными учеными, следившие за достижениями современной им научной мысли за границей.

Именно стремлением шагать в ногу с мировой этнологией объясняется то странное, казалось бы, обстоятельство, что русские этнографы, практически лишенные возможности вести полевые исследования среди аборигенов Австралии, индейцев Америки, африканских, южноазиатских, океанийских и других “экзотических народов”, уделяли им огромное внимание, пользуясь чужими материалами. Дело в том, что австралийские, американские, африканские этнографические данные служили и продолжают служить почвой для сближения с западной наукой. Ведь никакое взаимодействие, никакая полемика с ней невозможны без анализа тех конкретных этнографических фактов, которыми она питалась и питается.

Большинство русских этнологов с воодушевлением восприняло американский и английский эволюционизм и работало в его русле. Вместе с тем, как и в западной науке, в русской этнологии к концу XIX – началу XX столетия среди некоторых специалистов стало развиваться весьма скептическое отношение к эволюционистским схемам. Особенно отчетливо оно выразилось в исследованиях А.Н. Максимова¹. Он публиковал работу за работой, в которых давал глубокий критический анализ концепций Л. Моргана, Л. Файсона, Дж. Либбока, Дж. Фрэзера и др. В первую очередь именно благодаря ему накануне Октября российские теоретические представления о ранних этапах социальной эволюции находились на передовом рубеже международного знания.

Было еще одно крайне важное обстоятельство: существовала устойчивая традиция серьезной и объективной критики исследований отечественных и иностранных коллег. Так, каждый номер дореволюционного “Этнографического обозрения” имел специальный раздел “Критика и библиография”, содержащий от 13 до 20 рецензий и занимавший половину или более объема весьма солидного журнала. Критика была непрерывным процессом, неотъемлемой частью научной жизни.

После революции в советской этнологии была декларирована задача разработки марксистских методов исследования, которая с особой интенсивностью реализовывалась в области изучения ранних стадий социальной эволюции, вызвавших специфический интерес у основоположников марксизма. При этом вследствие того особого влияния, которое оказали на К. Маркса и Ф. Энгельса Л. Морган и некоторые другие представители эволюционистского направления в этнографии, советский

“этнографический марксизм” вступил в своего рода симбиоз с классическим эволюционизмом.

Однако тогда, в 1920-е годы, марксизм в нашей этнологии выступал в виде комплекса общих концептуальных установок, а не в форме готовых решений тех или иных проблем, как это стало позднее. И поэтому в публикациях того времени можно встретить значительное разнообразие оригинальных авторских решений. Кроме того, в те годы работали ученые, получившие известность еще до революции. Конец 1920-х и самое начало 1930-х годов отмечены выходом в свет целой серии исследований, во многом не утративших своего значения до сих пор².

Но период этот, как мы знаем, был трагическим рубежом. В течение нескольких лет (начало 1930-х) марксизм превратили из методологии в набор догм, отступление от которых представляло не только угрозу для возможности писать и публиковать свои работы, но и реальную опасность для жизни исследователя. Процесс этот, в частности, выразился в канонизации теории эволюции социальных институтов первобытности, разработанной Л. Морганом в 60–70-е годы XIX в. и в основных чертах воспроизведенной Ф. Энгельсом в знаменитой книге “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. К этому добавилась догматизация отрывочных высказываний основоположников марксизма из некоторых других их работ, а также из частных писем или даже набросков к ним, даже заметок на полях читанных ими книг.

В результате укоренилась следующая жесткая и внутренне противоречивая схема: промискуитет как самая ранняя стадия развития человеческих сообществ, затем групповой брак с двумя последовательно сменявшимися друг друга формами семьи – кровнородственной и пуналуальной, одновременно формировавшийся материнский род, представлявший собой социально-экономический, производственный коллектив, потом постепенно создававшаяся в его недрах парная семья и, наконец, отцовский род и патриархальная семья, которая появляется только на стадии классовообразования. Далее, эпоха “классической” первобытности – это эпоха полного социального равенства. Причем это представление каким-то странным образом уживалось с понятием матриархата – господства женщин в “классической первобытности”. И, наконец, (правда, уже позднее) сформировалась еще одна догма: первобытное общество – общество, в котором личность нивелирована, люди лишены индивидуальности, неотличимы друг от друга.

Утверждение такой схемы, естественно, сделало почти невозможным продолжение серьезных исследований в области первобытной истории, так как фактический материал по архаическим обществам нисколько не вписывался в данную схему. В результате теоретическая мысль не просто затормозилась, но оказалась отброшенной далеко назад – в 70–80-е годы XIX в. И это в то время, когда в мире в целом этнология (культурная/социальная антропология) шагнула далеко вперед.

Многие советские авторы теперь уже не следовали традиции тщательного поиска новых фактических данных в иностранной литературе. Даже универсальная прежде установка на изучение нескольких европейских языков утратилась. Анализ новых теоретических направлений западной науки сменился так называемой критикой буржуазных концепций, которая велась почти исключительно с идеологических позиций. Во “внутренней” научной жизни точно так же подлинная аналитическая критика отступила перед критикой идеологической. Стало не страшно и не стыдно недобрать фактов или даже их исказить, страшно лишь заслужить обвинения в “антимарксизме”, в буржуазных заблуждениях вроде “прамонотеизма” или “релятивизма”.

Последствия этого тяжелого периода отчетливо сказывались даже после хрущевской “оттепели”, когда наиболее радикально настроенные и смелые этнографы стали пробивать одну за другой бреши в идеологической твердыне. Громкие дискуссии, ведшиеся на страницах журнала “Советская этнография”, носили характер не столько научных споров, сколько “политической” борьбы “прогрессистов” с “ретроградями”, остроту которой придавали скорее фрондерские настроения одной из сторон, нежели научные откровения.

Начавшееся в 1950-е годы прошлого столетия медленное расшатывание моргановско-энгельсовской схемы продолжается вплоть до наших дней. И до сих пор, пожалуй, полностью не преодолен главный ее порок: однолинейный эволюционизм; представление о единообразии путей ранней социальной эволюции, о возможности мысленно прочертить некую генеральную линию, выявить некий общий путь, на отдельных этапах которого универсальные организационные системы и культурные стереотипы последовательно сменяли друг друга.

Ложная парадигма однолинейного эволюционизма никуда не денется, если мы станем говорить о “единстве в многообразии”³, о многоликости форм, при однотипности сути, или о том, что в главном человечество шло одними и теми же путями, расходясь во второстепенном. Потому что здесь (по выражению А.Н. Максимова столетней давности⁴) “нет ничего кроме игры словами”. Никто до сих пор не вывел никакого подлинного “единства” и не определил, что есть “суть” или “главное”, а что “второстепенное” в жизни человека и в его истории. С таким же успехом мы могли бы глубокомысленно сказать, что в путях развития человеческих обществ есть некоторые сходства и некоторые различия⁵.

Однолинейный эволюционизм опирается преимущественно на метод умозрительных реконструкций, построенных на недостаточных или просто непригодных основаниях: метод гипотез, выведенных логически из ограниченного числа данных, часть которых бездоказательно – априорно – рассматривается в качестве реликтов реконструируемого.

И то, и другое (и парадигма, и метод) в советской и постсоветской этнологии ни разу по-настоящему не пересматривались и даже не подвергались подлинно целостной, системной критике. Критиковались и пересматривались – с большим скрипом – лишь отдельные производные этой парадигмы и этого метода, вроде матриархата, кровнородственной и пуналуальной семей⁶. Вместо них предлагались новые. И велись споры об отдельных составляющих упрощенных схем.

Конечно, новые однолинейно-стадиальные конструкторы учитывали некоторые новые этнографические данные и поэтому, как правило, выглядели солиднее. Но по существу они мало чем отличались от старых. Так, предложенная Д.А. Ольдерогге в конце 1970-х годов концепция “эпигамии” выглядела гораздо внушительней и современной концепции “группового брака”. Однако исходная посылка была все та же: на определенной стадии социальной эволюции существовала такая-то универсальная форма организации брачных отношений⁷. Именно эта посылка неприемлема. Сама по себе эпигамия, конечно, встречается в этнографической реальности, но нет никаких оснований возводить ее в ранг универсалии и погружать в этом ранге в глубокую древность. В этнографической реальности чего только не встречается! Даже дислокальный брак. Даже нечто вроде семьи пуналуа, например, полигиния в комбинации с братской полиандрией у тода Южной Индии.

Человек уже в позднем плейстоцене заселил основную часть земного шара, а в голоцене освоил практически все имеющиеся на земле экологические ниши. При этом он даже сходные практические задачи в одинаковых или сходных экологических условиях несомненно решал не одинаковыми путями – в силу как разнообразия мыслительных процессов, так и неизбежно разнообразно стекавших обстоятельств. Его древние культуры и организационные системы были не менее, а скорее даже более многообразны, чем известные этнологии формы безгосударственной жизни. А его “первобытную” жизнь хотят либо втиснуть в какие-то произвольно выдернутые из этнографической копилки специфические формы, либо унифицировать в пригодных лишь для безвоздушного пространства абстрактных моделях.

Одну из ведущих ролей во всех наших историографических “драмах” пришлось сыграть австралийским аборигенам.

Пожалуй, никакие охотничье-собираТЕЛЬские общества не привлекали так много научного, причем *теоретического*, внимания, как общества коренных австралийцев. Это объясняется прежде всего устоявшейся научной традицией видеть в них “живой каменный век”, но отчасти и объективными причинами. Вплоть до сравни-

тельно недавнего времени тому, кто интересовался теоретическими проблемами эволюции социальных систем или просто принципами организации социальных институтов в обществах с присваивающей экономикой, трудно было найти более благодатный материал: обширный, профессионально собранный, проверенный и перепроверенный в одних и тех же районах разными исследователями.

Интересно, что один из зачинателей отечественного австраловедения – А.Н. Максимов – был противником “злоупотребления фактами австралийской этнографии” при построении теории социальной эволюции. И тем не менее вряд ли о ком он писал так много, как о них. С одной стороны, это было вынужденным: чтобы критиковать те или иные эволюционистские гипотезы, нужно было обращение к материалам, на которые авторы гипотез ссылались. С другой стороны, необычная, даже причудливая социальная организация австралийских сообществ не могла не вызывать самостоятельного исследовательского интереса. И то, и другое вело к созданию “кабинетных” работ (Максимов никогда и нигде не опирался на собственные полевые наблюдения, да, скорее всего, и не вел их⁸), в ряде отношений предвосхитивших достижения социальных антропологов, многие годы работавших в поле.

Так, еще в дореволюционное время он предпринял два монографических исследования по австралийским брачным классам и классифицирующим номенклатурам родства⁹. Оба эти института постоянно фигурировали в литературе в качестве доказательств былого существования группового брака у австралийцев, а Максимов стремился продемонстрировать, что они не имели никакого отношения к групповому браку, не являлись пережитками каких-то исчезнувших социальных форм и выполняли самостоятельные функции в социальных системах австралийских сообществ.

В работе “Системы родства австралийцев” А.Н. Максимов тщательно проанализировал данные по 32 номенклатурам родства, создав по ходу дела самую крупную по тем временам аналитическую сводку. Кроме того, он привлек множество словарей австралийских языков, а также довольно обширные сравнительные материалы по системам родства иных народов.

В работе о брачных классах (в современном австраловедении они именуется секциями и подсекциями) А.Н. Максимов не только оспаривал связь этих формирований с групповым браком, но также утверждал, что они появились и распространились среди аборигенов Австралии сравнительно недавно (эти заключения нашли подтверждение в последующих английских и австралийских полевых исследованиях¹⁰) и, наконец, что они не связаны “генетически” (в своем происхождении) с фратриями. Чтобы аргументировать последнее положение, он проанализировал все локальные названия секций, подсекций и фратрий, какие смог найти в источниках: в одних и тех же районах названия фратрий и секций не только не совпадали, но и во все не были похожи друг на друга. В те времена большинство исследователей искали эволюционную преемственность между фратриями и брачными классами, однако мысль сопоставить названия тех и других никому не приходила в голову.

Все в том же русле научной критики А.Н. Максимов тщательно проанализировал знаменитые брачные практики сообществ диери и урабунна – *пиррауру* и *пирраунгарру*, в которых большинство его современников видели “живой” групповой брак. Он не ограничился негативным выводом (это не групповой брак), но и попытался показать, что названные обычаи произошли позднее индивидуального брака, а также дать функциональное объяснение им¹¹.

Интересно, что уже после революции А.Н. Максимов обрел в этом вопросе единомышленника и продолжателя – П.Ф. Преображенского, который существенно дополнил аргументацию в пользу более позднего, чем индивидуальный брак, происхождения обычаев пиррауру и пирраунгарру, и указал на другие их функции, не замеченные Максимовым¹².

После революции А.Н. Максимов не влился в общее течение “разработки марксистских методов в этнографии”, а писал так, будто К. Маркса с Ф. Энгельсом никогда не существовало.

В 1930 г. он выпустил монографию “Материнское право в Австралии”¹³. Этот шаг выглядит как последняя попытка внести разумную струю в бурный поток упрощенного эволюционизма. Именно тогда, когда представление о материнском праве как о матриархате (господстве женщин) и как об универсальном порядке в так называемой классической первобытности укоренялось в виде безусловной догмы, Максимов не только утверждал, что под материнским правом можно понимать лишь материнскую филиацию родственных групп, но и доказывал, что характер этих групп, принципы их организации, их назначение, географические распределение и историческое соотношение с группами, имевшими отцовскую филиацию, остаются в этнографии совершенно неисследованными. И пока это так, невозможно определить историческую и социологическую роль феномена материнской филиации в ходе эволюции человечества. Чтобы попытаться хотя бы отчасти внести ясность в этот вопрос, он предпринял его изучение в рамках одного достаточно ограниченного района. При этом А.Н. Максимов стремился исчерпать доступные источники, тщательно проверяя степень их надежности.

Его исследование показало, что в Австралии встречались по крайней мере три типа унилинейных родственных группировок – территориальные группы, фратрии и тотемические группы. Первые бывали только патрилинейными, вторые и третьи – как патрилинейными, так и матрилинейными. Матрилинейные и патрилинейные образования могли сосуществовать в одних и тех же сообществах, выполнять в жизни этих сообществ различные функции и не быть связанными между собой “генетически”: во всяком случае, нет доказательств тому, что группировки одного типа происходят от группировок другого типа. Отсюда неизбежно следовало сомнение в научной корректности самой постановки вопроса об историческом соотношении материнского и отцовского рода (что первично, а что вторично) – вопроса, дискутировавшегося в нашей литературе вплоть до самого недавнего времени.

В том же 1930 г. А.Н. Максимов был уволен из Московского университета, где преподавал с 1919 г. В дальнейшем у него не было, исключая маленькую рецензию, печатных работ. И все же его судьба представляется нам счастливой: он ни в чем не изменил себе – по крайней мере, публично – и умер в своей постели в апреле 1941 г., проработав перед этим 11 лет в Библиотеке им. В.И. Ленина с любимыми этнографическими книгами.

С определенностью в нашей этнологии можно назвать только одного исследователя, который был – по крайней мере, на начальных этапах работы – продолжателем “линии” Максимова, а предположительно – двоих. Но зато каких! С. А. Токарев и А.М. Золотарев. От самого Сергея Александровича я знаю, что он считал себя отчасти учеником А.Н. Максимова, который преподавал в Московском университете, когда Токарев там учился. Золотарев же не имел специального университетского этнологического образования, а занимался самообразованием.

Внимательно прочитав практически все опубликованные работы А.М. Золотарева, а также некоторые его рукописи, я склоняюсь к тому, что он либо неформально начинал под руководством Максимова, либо находился под сильным впечатлением от его трудов. В тематике публикаций обоих явно звучит переключка. Например, “К вопросу о тотемизме в Сибири” (Максимов, 1927) – “Пережитки тотемизма у народов Сибири” (Золотарев, 1934); “Материнское право в Австралии” (Максимов, 1930) – “Патрилинейность и матрилинейность у аборигенов Австралии” (Золотарев, б/г) и т.п. Первая работа А.М. Золотарева (“Происхождение экзогамии”, 1931) концептуально весьма близка к работам А.Н. Максимова. В последующих можно усмотреть стремление пройти тот же, что и Максимов, путь, но прийти к обратному: Максимов выступает как разрушитель однолинейно-эволюционистских построений, а Золотарев – как реставратор и “усовершенствователь”. При этом прямой полемики почти нет. Золотарев либо совсем не цитирует трудов Максимова, либо упоминает их вскользь. Ни резких возражений, ни хлестких идеологически нагруженных обвинений (на последние Золотарев в других случаях не скупился). Быть может, здесь

скрыт благородный мотив: не привлекать внимания к оппозиционерству маститого ученого, скромно работающего библиографом в “Ленинке”?

Первая публикация А.М. Золотарева – “Происхождение экзогамии” (1931) – основана преимущественно на данных этнографии коренных австралийцев, и в ней Золотарев во многом опередил свое время. А написал он ее чуть ли не в 22 года!

Главная гипотеза монографии (как возникла экзогамия) вряд ли доказуема и не вполне оригинальна¹⁴. Ценность работы, однако, не в ней.

В соответствии с фактической базой современной ему этнологии Золотарев остался свободен от главных “марксистско-эволюционистских” фетишей – группового брака, родовой организации и примата матрилинейной родственной организации. О первом он даже не упоминал. О втором говорил следующее: “Учение о родовом быте, сформулированное впервые Морганом, расплзлось в бесформенную массу, готовую исчезнуть каждую секунду”. Эта позиция, впервые в отечественной литературе обоснованная А.Н. Максимовым в 1913 г., вновь была “артикулирована” в нашей печати только в самом конце 1990-х годов¹⁵. Далее Золотарев утверждал, что у охотников и собирателей, в первую очередь у коренных австралийцев, община, т.е. локальная группа, являлась “основной ячейкой общества”¹⁶.

Вопрос об историческом соотношении матриликальности и патрилокальности, матрилинейности и патрилинейности в “Происхождении экзогамии” был поставлен примерно так же, как у “радикальных” участников громких дискуссий 1960–1970-х годов. Это могли быть параллельные пути развития, а могло быть и так, что патрилокальность и патрилинейность первичны и типичны для охотников и собирателей, а матриликальность и матрилинейность – приметы мотыжных земледельцев. Причем подход А.М. Золотарева представляется более тонким и взвешенным, потому что он, в отличие от последующих советских единомышленников, говорил не о роде как об универсальном институте, а лишь о родственной филиации, об *унилинейном прослеживании кровного родства*.

Но самые значительные достижения этой ранней работы связаны с проблемами изучения систем брачных классов (секций и подсекций). Во-первых, Золотарев пришел к парадоксальному, казалось бы, выводу о том, что брачные классы вовсе не регулируют брачные отношения, а регулирует их родство, родственные системы¹⁷. Этот вывод до совсем недавнего времени оставался совершенно чужд отечественной этнологии, а в зарубежном австраловедении он примерно на год позднее (конечно же, независимо) был сделан А. Рэдклифф-Брауном, опиравшимся на собственные полевые материалы. Впоследствии – уже в 1960–1970-е годы – с ним согласились такие корифеи, как А. Элькин, Э. Сэрвис, М. Меггит, Х. Шеффлер и др.¹⁸ Сумел А.М. Золотарев раскрыть и социологический механизм образования брачных классов, не прибегая, как это делали до него некоторые английские эволюционисты, а у нас А.Н. Максимов (1909) и после него Ю.И. Семенов (1970), к идее наложения патрилинейной филиации на матрилинейную¹⁹.

По Золотареву, для возникновения брачно-классовой организации достаточно “классификаторской” номенклатуры родства и двух “взаимобрачающихся” локальных групп (“без всякой линейности”)²⁰. Именно этим путем пошли позже, в 1940-е годы (разумеется, независимо), А. Элькин, а в 1970-е годы Х. Шеффлер, утвердившие в современном австраловедении представление о секциях как о неких классифицирующих знаковых категориях, которые действуют в дополнение к классифицирующим номенклатурам родства, “систематизируют и обобщают родство”, являются специфическим преобразованием “надклассов родства” и имеют весьма позднее происхождение. А нужны они были, как показывают современные австралийские этнологи, главным образом для расширения и упрощения практики “межплеменного взаимодействия”: помогали аборигенам “раскидывать” сети классификационного родства и соответствующих поведенческих стереотипов, захватывая огромные пространства континента. Ведь широкое межгрупповое взаимодействие было важнейшей чертой их культуры²¹. К этому А.М. Золотарев также подошел очень близко и совершенно самостоятельно.

В целом, по рассмотренной работе Золотареву можно сделать лишь два упрека. Во-первых, он не отметил заслуг своих отечественных предшественников, на чьи достижения безусловно опирался – А.Н. Максимова и С.А. Токарева, опубликовавшего первоклассную статью об австралийских системах родства (1929). Во-вторых, в духе однолинейного эволюционизма он сильно преувеличивал значение австралийских материалов для решения общих проблем ранней социальной эволюции. Можно полагать, что второй недостаток вскоре был бы преодолен, если бы дальнейшее творчество А.М. Золотарева развивалось в том же русле. Однако этому не суждено было случиться.

“Происхождение экзогамии” опубликовано с пространным предисловием С.Н. Быковского, взявшего на себя в конце 1920-х – начале 1930-х годов роль радетеля и охранителя установочных положений “марксистской этнографии”. В этом предисловии все самые интересные, самостоятельные и оригинальные выводы молодого ученого были подвергнуты разгрому “с точки зрения марксистской методологии”²². Недооценивать опасность подобных обвинений в печати было нельзя, да и режим в стране стремительно ужесточался. В дальнейшем Золотарев направил свой недюжинный талант в фарватер.

Незадолго до трагической гибели – в 1943 г. в сталинском лагере, куда А.М. Золотарев попал после фашистского плена – он выработал в себе готовность к острому и взвешенному протесту против нетерпимого положения в интересующей его области этнологического знания. Исследователь первым (насколько нам известно) начал процесс расшатывания “официальной” схемы ранней социальной эволюции²³. Можно полагать, что если бы судьба А.М. Золотарева сложилась иначе, он был бы в числе тех, кто позднее настойчиво боролся с догмами, сильнее дорожа научной истиной, нежели своим положением в официальной науке. Ведь в то время, когда он решился на протест, приходилось рисковать куда большим.

Самый прославленный и любимый коллегами советский этнограф – Сергей Александрович Токарев – тоже начинал свою научную жизнь с изучения культуры коренных австралийцев. Обзор его исследований по этнографии Австралии дан в статье покойного Н.А. Бутинова “С.А. Токарев – австраловед и океанист” (1995)²⁴. К ней я и адресую читателя. Скажу лишь то небольшое, что представляется необходимым в контексте настоящей публикации.

Первая работа С.А. Токарева – “Современное австраловедение (библиографический очерк)” (1928) – имела название гораздо более скромное, чем содержание. Это была весьма полная по тем временам аналитическая сводка. Изложение концепций различных исследователей сопровождалось критическими заключениями, отражающими самостоятельную позицию молодого автора – очень эрудированного и требовательного к фактической стороне научной работы. Большинство сложных проблем представлялись ему тогда еще совершенно открытыми; единственное, в чем он определенно был убежден (вслед за Максимовым и Преображенским), так это в отсутствии каких-либо доказательств былого существования группового брака у аборигенов²⁵.

Видимо, стремясь еще раз подтвердить это фактами, а может быть, и непредвзято проверить выводы Максимова, Токарев написал уже упоминавшуюся выше статью “О системах родства австралийцев”, в которой существенно пополнил сводку Максимова (1912) и привел дополнительные аргументы в пользу того, что классифицирующие номенклатуры родства аборигенов не дают никаких оснований для реконструкции группового брака²⁶.

Как пишет Н.А. Бутинов, ранние работы С.А. Токарева выполнены «под девизом “факты упрямая вещь”». Но когда теория Моргана превратилась в нашей стране... в теорию “Моргана–Энгельса” и была объявлена “единственно правильной”, она оказалась упрямее фактов²⁷.

В работах о социальной организации меланезийцев²⁸ преданный фактам Токарев на самом пике “крутого перелома” пришел к совершенно “непригодным” выводам относительно возникновения родовой организации и исторического соотношения

материнско- и отцовско-родовых институтов. Эти работы, особенно вторая, были в буквальном смысле слова разгромлены в рецензии Е.Ю. Кричевского за “социал-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества”²⁹.

Как и Максимов, С.А. Токарев был уволен из Московского университета, как и Максимова, счастливая звезда помогла ему уцелеть, а научная честность – остаться в стороне от губительной для отечественной этнологии деятельности.

Он занимался полевыми исследованиями, обработкой собственных материалов, историографическими штудиями, а также преподаванием, и до конца сталинской эпохи не касался острых проблем социальной эволюции и этнографии охотников и собирателей, да и в дальнейшем не проявлял к ним особого интереса.

Токареву *пришлось* (слово Н.А. Бутинова) вернуться к этим проблемам в связи с подготовкой тома по Австралии и Океании в серии “Народы мира” в середине 1950-х годов. Он согласился на это под давлением С.П. Толстова и подвергался жесткой цензуре с его стороны. По мнению А.Н. Бутинова, С.А. Токарев при подготовке к публикации главы по общественному строю австралийцев вынужден был отказаться от целого ряда своих убеждений и написать противоположное им³⁰. Однако нельзя не заметить и того, что, как и все ученые, сложившиеся в советскую эпоху, он был в плену однолинейного эволюционизма, а также отдельных его схем и представлений (напр., аборигены Австралии – самые *отсталые* в регионе, папуасы – более *развитые*, полинезийцы – вообще уже весьма *культурные* и т.п.). А некоторые проблемы социальной организации австралийцев его, видимо, просто тяготили. Неслучайно он о плясках написал подробнее, чем о “родовой организации”³¹.

Но что поражает при чтении токаревской главы “Общественный строй австралийцев” (с. 149–208), так это ее научная правдивость. Писать так, нигде открыто не полемизируя с официальной этнографией, – большое искусство. Если он и позволил себе пойти на поводу у Толстова и “эпохи”, то главным образом в интерпретациях исторического смысла тех или иных явлений и их проекциях в глубокое прошлое (в конце концов, кто знает, как оно там было много тысячелетий назад?), стремясь при этом не погрешить против того, что зафиксировано этнографией в живой реальности. Только в отдельных, самых скользких случаях он руководствовался известной формулой Бисмарка: говорить правду и только правду, но не всю правду. Так, он не стал вытягивать на свет Божий все зафиксированные к тому времени родственные структуры, которые формально подходили под “официальное” понимание рода. Он произвольно “выбрал родом” тотемические группы³², а то обстоятельство, что тотемические группы были в Австралии структурно дифференцированы и далеко не всегда даже формально отвечали советскому термину “род”, не обсуждал, хотя работы Рэдклифф-Брауна, А. Элькина и ранних Р. и К. Берндтов ему, несомненно, были известны.

Иногда он прибегал к традиционным хитростям советских авторов. Так, в разделе о взаимоотношениях полов он довольно неуклюже пытался доказать, что положение женщин в обществе аборигенов не было ни “приниженным”, ни “подчиненным”, и делал это по принципу: их, конечно, били, но не слишком сильно, заставляли носить тяжести, но не очень тяжелые³³. А в разделе об обмене рассказывал о том, как и какие тяжести таскали женщины³⁴.

Вместе с тем Токарев утверждал без обиняков, что главной хозяйственной единицей и собственницей основного средства производства (охотничьих угодий) у аборигенов была локальная группа, т.е. община – тезис, который позднее отечественным австраловедам пришлось отстаивать в нелегкой борьбе.

Но поистине замечательные страницы главы “Общественный строй австралийцев” посвящены рассмотрению структуры брачных классов и в особенности классифицирующих систем терминов родства. Главная мысль автора: все это в действительности совсем не сложно, а логично, стройно и взаимосогласованно. Ни до него, ни после никто в нашей литературе не раскрывал так обстоятельно, систематично и

вместе с тем так доступно эти феномены культуры австралийцев. Совершенно однозначно решил он проблему соотношения классифицирующих номенклатур родства и брачных классов (секций, подсекций). “Замечательное соответствие системы брачных классов и терминологии родства, – писал он – заставляет прийти к выводу, что то и другое причинно связано. Либо брачные классы возникли из системы родства, либо, наоборот, система родства из брачных классов. Какое из этих двух предположений является правильным, нетрудно видеть (С.А. Токареву было нетрудно. – О.А.)... Рубрики брачных классов имелись фактически даже у тех племен, у которых названий брачных классов не было. Достаточно было ввести эти названия, чтобы сразу закрепить и как бы систематизировать группировку разных категорий родственников вокруг говорящего лица. Таким образом, брачные классы австралийцев есть не что иное как *систематизация терминологии родства...* (курсив мой. – О.А.)”³⁵.

Совпадение с формулировками современных австралийских исследователей практически дословное (ср. выше, с. 139). Именно этим путем пошел и М.В. Крюков в своих попытках доказать былое существование системы брачных классов в Древнем Китае³⁶. При определенном типе номенклатур родства они должны быть, хотя бы без специальных названий.

Совершенно новаторским был и до сих пор остается крайне актуальным раздел, реконструирующий системы обмена у австралийцев в традиционных условиях. Это результат гигантской работы с первоисточниками. По существу, как показал Токарев, в доколониальных условиях благодаря “межплеменному обмену” подавляющая часть населения находилась в постоянном взаимодействии, и, если чисто экономическая роль обмена была ограничена в силу его “натуральности”, то социальная и культурная роль обмена была огромна. Ведь путем обмена передавались на огромные расстояния не только материальные ценности, но и обычаи, обряды, мифы, приемы и достижения художественного творчества. Тем самым обмен способствовал созданию “культурной общности в рамках обширных территорий, *если не всего материка*” (курсив мой. – О.А.)³⁷. Очевидно именно этим, добавим мы, во многом обусловлена культурная гомогенность австралийцев, о которой так часто с некоторым недоумением пишут и говорят этнологи.

Любовное и скрупулезное собрание фактов сделало также неспособными устареть разделы о материальной культуре, музыке, декоративном искусстве, играх и “положительных знаниях” австралийцев.

Словом, С.А. Токарев воздвиг себе памятник. Он сформировался как ученый в годы сталинизма и редко вступал в открытую конфронтацию с официальной идеологизированной этнографией, но в конечном счете противостоял ей весьма упорно: беззаветным и неустанным служением научной истине и такими обширными этнографическими познаниями, которых, по-моему, в советское (да и в постсоветское) время не имелось ни у кого другого. Неслучайно, именно его ученики, воспринявшие от него преданность этнографическому факту, в 1960–1970-е годы последовательно и публично (в печати, на научных встречах) выступали против “первоэтно-исторической” догматики и сумели пробить несколько ощутимых брешей в ее броне. Среди них выдающуюся роль сыграли ученые, опиравшиеся на австралийские и океанийские материалы, – В.М. Бахта, Н.А. Бутинов, В.Р. Кабо.

Самые обстоятельные их работы того времени не были посвящены социальной организации австралийцев. В.М. Бахта исследовал производительные силы аборигенов Австралии и папуасов Новой Гвинеи. Наиболее сильной стороной В.Р. Кабо в 1960–1970-е годы мне представляются исследования по орудийной деятельности и материальной культуре в функциональном, социологическом и этногенетическом аспектах, а также по проблемам происхождения австралийцев и тасманийцев. Главные работы Бутинова были о папуасах Новой Гвинеи³⁸.

Однако все три автора в отдельных своих статьях, имевших весьма громкий резонанс, выступили с критикой догматических положений о первобытном промискуитете и групповом браке, о примате матрилинейности, о роде как об “основной соци-

ально-экономической ячейке первобытного общества»³⁹. Последнее положение особенно последовательно опровергалось В.Р. Кабо⁴⁰.

Возвращаясь к тем временам более чем 30-летней давности, Ю.И. Семенов в публикациях недавних лет⁴¹ утверждает, что названными выше авторами руководило стремление выступить в роли первооткрывателей, создателей совершенно нового направления в этнографии, и даже неоднократно именует их нашими новаторами, беря последнее слово в кавычки. “В действительности” же, утверждает он, имело место некритическое заимствование идей, господствовавших в западной этнологии. С особой резкостью все это выражено в статье 2001 г., опубликованной в журнале “Этнографическое обозрение” (№ 6). Подлинные формулировки Ю.И. Семенова я не считаю возможным воспроизводить. По содержанию же не могу не возразить ему, тем более что “иных уж нет, а те далече”: Н.А. Бутинов скончался до выхода публикации в свет, В.М. Бахта давно и не по своей воле оказался отлученным от академической, а также университетской (имеется в виду МГУ) этнологии и не участвует в ее дискуссиях. В.Р. Кабо эмигрировал в Австралию. Именно то обстоятельство, что Ю.И. Семенов высказался в печати (причем, по крайней мере, трижды) в духе, противоречащем научной этике, о тех, кто лишен возможности адекватно возразить, или даже возразить вообще, побуждает меня выступить в защиту их научной позиции и в защиту того, что было “в действительности”. Не могу также не выразить недоумения по поводу того, как наш ведущий этнографический журнал согласился напечатать в 2001 г. статью, написанную в столь неакадемическом тоне, да еще и открыть ею номер. Ведь пересказанным выше Ю.И. Семенов не ограничился, но и утверждал, что Бахта, Бутинов и Кабо занимались фальсификацией фактов⁴².

К сожалению, не могу похвастаться хорошим владением материалов по папуасам Новой Гвинеи. Но многие годы знала Н.А. Бутинова как добросовестного ученого. Что же касается Бахты и Кабо, то более 20 лет я читаю и перечитываю те зарубежные источники, на которые они опирались в своих работах. И с полным основанием утверждаю: написанное Ю.И. Семеновым не соответствует действительности. Это тем более предосудительно, что злые и неправдивые слова сказаны (и напечатаны) о заслуженном и ушедшем из жизни нашем общем коллеге, о двух наших соотечественниках, воевавших в Великую Отечественную. Один из них – В.М. Бахта – ради научных убеждений поступил карьерой, а другой – В.Р. Кабо – не побоялся бороться за свои научные убеждения – идущие вразрез с предписанными – в условиях все еще сохранявшегося тоталитарного режима, имея за плечами пять лет сталинских лагерей.

Ю.И. Семенов утверждает, что за радикальными публикациями Бахты, Бутинова и Кабо “не последовало никаких *оргвыводов...* за всеми сторонниками этого направления *практически* (?) (вопросительные знаки и курсив мои. – О.А.) было признано право не только придерживаться собственных взглядов, но и излагать их в своих работах. С конца 60-х годов в советской этнографии началось *фактическое* (?) утверждение плюрализма мнений”.

Не знаю, что Ю.И. Семенов имеет в виду под оргвыводами, если аресты или увольнения с работы, то, слава Богу, этого не было. Но публичные (в печати и на научных собраниях) обвинения в антимарксизме (вплоть до 1980-х), а также большие проблемы с трудоустройством и продвижением по службе, получением разрешения на профессиональные заграничные командировки и опубликованием научных работ в отечественной печати “имели место”. Вспомним хотя бы о том, что после выхода в 1968 г. крамольного первого тома “Проблем истории докапиталистических обществ” (там среди прочих были указанные выше статьи Бахты, Бутинова и Кабо) уже готовый второй том не был допущен к публикации и так никогда и не вышел в свет. Все три автора либо вообще не могли в дальнейшем публиковать свои работы в главном этнографическом издании страны – журнале “Советская этнография” – (В.М. Бахта), либо ждали выхода своих статей годами (Н.А. Бутинов и В.Р. Кабо) и, замучившись доказывать редакции свою лояльность советскому “якобы марксизму”, забирали их оттуда и отдавали в другие журналы и сборники (В.Р. Кабо), где то-

же все продвигалось не быстро и не гладко. Подробно о том, каковы были цензурные и административные “оргвыводы” того времени, можно прочитать в Интернете на сайте В.Р. Кабо⁴³.

В конце 1981 г. в секторе истории первобытного общества Института этнографии АН СССР произошло обсуждение одной из рукописей Кабо. Ее признали непригодной к публикации. Обвинения в игнорировании работ классиков марксизма-ленинизма, “прамонотеизме” и других идеологических ошибках, прозвучавшие из уст Ю.И. Семенова, запротоколированы автором этих строк, тогдашним ученым секретарем сектора⁴⁴. Именно после этого В.Р. Кабо вынужден был перейти работать в другой отдел, слабо связанный с его профессиональными интересами.

Отметим попутно, что прочтя о себе и своих коллегах опубликованное Ю.И. Семеновым в “Этнографическом обозрении” (новое название “Советской этнографии”), В.Р. Кабо составил ответ и прислал в журнал. Редколлегия, однако, не сочла возможным напечатать этот ответ, а предложила ему написать тематическую статью. Не знаю, по какой причине он не сделал этого. Скорее всего, у него возникли старые ассоциации – весьма неприятные. Письмо Кабо в редакцию “Этнографического обозрения” также можно прочесть на его сайте в Интернете⁴⁵.

Что касается побуждений, которые руководили Кабо и его единомышленниками в 1960–1970-е годы, то, несомненно, они не были ни честолюбивыми, ни амбициозными. Это были простые, естественные и сильные побуждения, знакомые всякому добросовестному и увлеченному исследователю. Внимательное изучение источников, в первую очередь по аборигенам Австралии, в которых привычно было видеть представителей достаточно “ранней” “первобытности”, с поразительной ясностью высветило для этих ученых нелепость официальной схемы. Противоречия были вопиющими и рождали желание громко заявить о них *вопреки* всяким опасениям: эти люди, сложившиеся в конце сталинской эпохи, могли ждать и худшего, чем то, что последовало; или, по крайней мере, могли испугаться, остановиться, пойти на попятный, когда стали совершенно очевидными конец “оттепели” и реставрационные тенденции во внутренней политике государства. Но в них возобладали ученые, любившие свое дело.

Теперь о “заимствовании идей” у западных этнологов. В вопросах о роде как о производственном коллективе, о примате матрилинейности или о былом существовании группового брака австралийские и папуасские материалы так определенно и однозначно “голосуют против”, что решительно нечего заимствовать у теоретиков. Это лежит на поверхности. В таких случаях человек, доказывающий очевидное, чувствует себя не первооткрывателем, а скорее мальчишкой, кричащим про наготу короля. Когда мне позднее пришлось доказывать отечественным коллегам, что в традиционном обществе аборигенов Австралии существовала личность или имелось выраженное неравенство полов, я не могла не чувствовать неловкости от того, что по настоящему счету (по счету *чистой науки*) я ломлюсь в открытую дверь. Да и те западные теоретики, которые строили исследования на австралийских и океанийских материалах, в 1960–1970-е годы были совершенно чужды концепциям “первобытно-общинной формации” и проецированию своих полевых данных в глубочайшую древность. Советским австраловедам – приверженцам марксистского эволюционизма, пусть даже самым радикально настроенным, по определению невозможно было заимствовать идеи, относящиеся к ранним этапам социальной эволюции, у западных авторов. Советские австраловеды и океанисты в те годы всего лишь бурили артезианские скважины.

Так что, по-моему, гораздо труднее понять тех, кто весьма жестко и долго противостоял им. Однако разумнее всего будет удержаться от рассуждений о субъективных мотивах, руководивших оппонентами Бахты, Бутинова и Кабо 30 или более лет тому назад. Отметим только, что объективно их выступления тормозили развитие нашей науки, тем более, что главная аргументация строилась не на фактах, извлеченных из первоисточников, а на умозрительных соображениях и различных абстрактных (весьма натянутых) выкладках и моделях. Взять хотя бы два примера.

Первый пример. Отстаивая универсальную стадию группового брака в истории брачных отношений человечества, Ю.И. Семенов в 1974 г. в качестве одного из аргументов выдвигал такой: классификационные системы терминов родства, как показал еще У. Риверс, неопровержимо свидетельствуют о былом групповом браке⁴⁶. Но, во-первых, отсутствие иных объяснений никогда не считалось в науке доказательством, а, во-вторых, 30 с лишним годами раньше А. Рэдклифф-Браун объяснил их иначе и весьма логично⁴⁷. Однако об идеях А. Рэдклифф-Брауна Ю.И. Семенов не писал, зато трансформировал само понятие группового брака так, что кроме термина от моргановской концепции (хоть и фантастической, но имевшей содержание) в конечном счете ничего не осталось. Под групповым браком Ю.И. Семенов стал понимать не реальный брак группы мужчин с группой женщин, а такую гипотетическую, оставшуюся в глубоком прошлом, ситуацию, когда существовали организованные по дуальному принципу родовые объединения, члены которых были постоянными партнерами по половым связям, причем эти связи могли носить характер длительных парных отношений. Но Ю.И. Семенов не считал эти индивидуальные парные отношения браком, а квалифицировал как брак отношения между мужскими и женскими половинами гипотетических родов и даже писал о группе-“муже” и группе-“жене”. Не изменил этому Ю.И. Семенов даже в 2001 и 2003 гг.⁴⁸

Интересно, что, как отмечал и сам Ю.И. Семенов, его интерпретация перекликается с пониманием группового брака, которое предложил когда-то Л. Файсон (1893). По Файсону, групповой брак – это не брак в полном смысле слова, а лишь “квалификация для брака”: право представителей одной конкретной группы вступать в брачные отношения с представителями другой конкретной группы. Типичным примером Файсон считал брачные классы австралийцев. По существу, как точно подметил А.Н. Максимов почти 100 лет назад, такое определение, предполагающее, что каждый может выбрать себе индивидуального партнера в пределах соответствующей “по квалификации” группы, ничего не определяет: «если такой порядок вещей... называть групповым браком, то существующие у нас отношения придется называть леббоковским термином “коммунальный брак” или как-нибудь еще в том же роде, потому что у нас мужчина может жениться на любой женщине, исключая “слишком близких по крови”»⁴⁹.

К слову отметим особенности, характеризующие изложенные концепции. Представить себе два таких глубоко первобытных родовых объединения, которым хватает половых партнеров друг для друга можно, как кажется, только в уме. На земле же этнологу, знакомому с материалами по охотникам и собирателям, такие родовые объединения вообразить нельзя иначе как исключение, случившееся в особо благоприятных экологических условиях. В нормальных же условиях, чтобы не исчерпать ресурсы своей территории, коллектив охотников и собирателей должен быть немногочисленным (тем более, что он “родовой”). Но чтобы воспроизводить себя, ему не будет доставать половых партнеров в другом столь же немногочисленном коллективе. Не говоря о том, что уже через два поколения все члены таких воображаемых группы-“мужа” и группы-“жены” стали бы ближайшими родственниками. Страшно подумать: какое это было бы кровосмешение и вырождение! Что же касается брачных классов, то их опять же только в уме можно представить в виде дискретных групп, поставляющих друг другу половых партнеров. На самом деле, брачные классы (секции и подсекции) – это не группы с определенным составом, а широкие категории, способные охватывать множества людей на обширных территориях.

Второй пример. Тот факт, что нигде (или почти нигде) охотники и собиратели, мотыжные земледельцы или кочевые скотоводы не живут и не хозяйствуют унитарными родственными группами, а всегда (или почти всегда) являют собой коллективы, состоящие из семей, оказался губительным, как уже говорилось, для догмата о роде как об “основной социально-экономической ячейке классической первобытности”. Чтобы все-таки спасти этот догмат, было предложено два средства.

Первое представляется особенно неудобным для первобытных людей. Это групповой дислокальный брак как универсальная, правда, оставшаяся в незафиксирован-

ном этнографией прошлым, стадия в развитии брачных отношений (Ю.И. Семенов). Второе – не столь дискомфортное, но несколько обидное примерно для четверти первобытного населения. По неким подсчетам получалось, что в первобытности даже при наличии супружеского общежития род и община в значительной мере (на 75 %) совпадали, пришедшие же в общину по бракам представители других родов составляли всего примерно 25 %, а это не очень значительная доля, да и кроме того пришлые люди не вполне интегрировались в общину⁵⁰. Правда, если даже мы такую *правильную* (с точки зрения советских историков первобытности) модель примем как универсальную для незафиксированного этнографией прошлого, то должны будем признать, что в четверть пришлых и не вполне интегрированных входили основные участники воспроизводства людского состава общины и процесса ее жизнеобеспечения.

Кому же, возникает законный вопрос, был нужен род как производственный коллектив: первобытным охотникам и собирателям или ведущим советским этнографам?

По мере своего развития спор о том, род или общину нужно считать “основной социально-экономической ячейкой первобытного общества”, осложнился еще и вопросом о собственности на “основное средство производства” – кормовую территорию (применительно к охотникам и собирателям). Сторонники “родовой теории” объявляли собственником род (поэтому – вдобавок к 75-процентному совпадению с общиной – его и следовало считать производственным коллективом и основной социально-экономической ячейкой), а сторонники “общинной теории” – общину, за родом признавалась же лишь “номинальная”, а не реальная собственность на землю.

Представляется, что этот ракурс придал полемике некоторое сходство с войной между остроконечниками и тупоконечниками – войной в одном лагере по второстепенным и не самым принципиальным причинам при игнорировании методологических проблем первостепенной важности и невыясненности основных концептуальных категорий и социологических понятий.

Да простят мне мои дорогие учителя – В.М. Бахта и В.Р. Кабо, но, оторвавшись от твердой почвы собственно австралийской этнографии и тех, критических по отношению к официальной схеме “классической первобытности”, суждений (сугубо негативного свойства), которые австралийской этнографией надежно подкрепляются (нет пережитков группового брака, нет доказательств примата рода или примата матрилинейности: стало быть, схема, по меньшей мере, не может претендовать на универсальность), и вступив на зыбкую почву положительных суждений о том, что было в скрытые от нас времена (община была основной ячейкой и собственницей земли, род выполнял лишь брачно-регулирующие функции), – суждений, основанных на проекциях в глубочайшую древность преимущественно или одних только австралийских материалов, они оказались в одном лагере со своими противниками. В лагере марксистского эволюционизма с его представлением об универсальных формах “базовых” социальных институтов на ранних этапах истории. Как будто некогда существовала “первобытность вообще”, неважно именовать ли ее “стадией ранне-первобытной общины” (применительно к охотникам и собирателям⁵¹) или “одним общим историческим типом охотников и собирателей”⁵².

Конечно, единая модель “первобытности”, опирающаяся на конкретную этнографическую реальность, была в те годы гораздо “прогрессивнее” модели, сконструированной из “пережитков”, которые черпались у самых разных народов в самых разных эпохах и связывались логическими мостиками. Но методологически оба подхода роднил поиск *комплекса универсалий*, основанный на *априорной установке*, что таковой *должен был быть*.

Далее как о чем-то само собой разумеющемся и не нуждающемся в специальном прояснении применительно к людям, не имевшим производящего хозяйства, говорилось о производстве, средствах производства, собственности на средства производства, производственных отношениях и производственных коллективах, или ячейках. И, наконец, не было никакой ясности в понимании рода как особого социологичес-

кого феномена, даже при том, что этнография – как, например, в случае с аборигенами Австралии, – обеспечивала условия если не для окончательного прояснения этого вопроса, то, по крайней мере, для его серьезной теоретической постановки и обстоятельного рассмотрения в *одном или нескольких из возможных вариантов*.

В.М. Бахта, Н.А. Бутинов, В.Р. Кабо, Т.В. Сенюта уверенно ограничивали функции рода “номинальным” владением территорией и регулированием брачных отношений. Но что это была за группа? В русскоязычных работах 1960–1970-х годов мы не найдем сколько-нибудь детального ее описания. По-видимому, все отечественные исследователи доверялись в этом вопросе С.А. Токареву и считали австралийским родом тотемическую группу. Но Токарев определенно отмечал, что тотемические группы не регулировали браки⁵³. А в зарубежной австраловедческой литературе уже давно тотемическая группа трактуется как объединение сугубо культового характера, не владевшее ничем кроме тотемических святилищ и реликвий, состоявшее по существу из одних только мужчин и не всегда формировавшееся на основе унии-нейного десцента⁵⁴. Вместе с тем, имеются указания на сосуществование нескольких типов унии-нейных родственных групп (с разными, но весьма существенными функциями) в одних и тех же австралийских сообществах. Эти указания советскими авторами не анализировались, и “австралийский род” оставался чем-то абстрактным и темным.

Все отмеченное выше не должно прозвучать как упрек австраловедам старшего поколения. Они сделали самое большее, что можно и нужно было сделать в тех условиях – возродили традицию полемицировать, опираясь на обширный фактический материал, подобранный по строгим научным принципам. В тех условиях – и в силу общей политической обстановки в стране, и в силу идеологической “зашоренности” этнографического и исторического мышления, наблюдавшей (в большей или меньшей степени) у всех советских ученых без исключения, – нельзя было сразу поднять все острые вопросы и круто развернуть мировоззренческую перспективу. Я лишь хотела подчеркнуть, что боролись они тогда не только и не столько за научную истину, сколько за право ее высказывать. И борьба эта была успешной. Она имела огромное моральное значение, особенно для тех, кто начинал этнографическую работу под руководством В.М. Бахты и В.Р. Кабо (или, по крайней мере, не без их влияния) – А.А. Казанкова, И.Ж. Кожановской, А.Н. Кожановского, А.А. Никишенкова, Т.В. Сенюты и автора этих строк.

Преимущественно моральное значение имели выступления радикальных участников знаменитой дискуссии об “австралийской контроверзе”. Характерно, что и эту дискуссию спровоцировали В.Р. Кабо и его единомышленники, среди которых, помимо В.М. Бахты и Н.А. Бутинова, были М.В. Крюков и М.А. Членов. В их публикациях нашла отражение точка зрения, согласно которой род может возникнуть как в матрилинейной, так и в патрилинейной форме, даже что отцовский род предшествует материнскому. Ссылки на австралийские материалы были в числе главных аргументов.

Тогда Ю.И. Семенов еще раз предпринял попытку разрешить “австралийскую контроверзу”, оставаясь на позиции первичности материнского рода⁵⁵. Он обратился непосредственно к источникам и первым, насколько мне известно, привлек внимание советских этнологов, к тому факту, что в некоторых районах Австралии (преимущественно в северных) у аборигенов *сосуществовали* унии-нейные родственные группировки разных типов. В частности патрилинейные кланы (термины австралийских ученых) уживались с матрилинейными кланами. Причем матрилинейные кланы в северных районах страны представляли собой нечто иное, чем матрилинейные тотемические группы юго-востока, известные по материалам А. Хауита и других ранних исследователей. Это были сравнительно недавно обнаруженные А. Элькином, Р. и К. Берндтами, М. Мэггитом и рядом других полевых этнологов образования. Однако Ю.И. Семенов ограничился констатацией факта их существования и не попытался выяснить, выполняют ли они какие-то реальные функции в жизни аборигенов, т.е. понять, зачем они нужны людям, имеющим одновременно и патрилиней-

ные кланы. Он просто объявил их пережиточной формой господствовавшего некогда у аборигенов материнского рода. По выдвинутой им гипотезе, в силу неких особых условий у аборигенов рано сформировался отцовский род, и именно в результате наложения отцовско-родовой организации на материнско-родовую получился такой специфически австралийский институт как брачные классы, или секции. Эта гипотеза вызвала дискуссию, в ходе которой были выставлены альтернативные гипотезы, стремившиеся дать иные объяснения происхождению секций и тем самым показать, что анализ секционных систем не дает ключа к разрешению “австралийской контроверзы”⁵⁶.

Однако никто из участников дискуссии не анализировал конкретные данные о структуре, функциях и географическом распределении различных родственных институтов аборигенов Австралии хотя бы с той степенью подробности, как это делал А.Н. Максимов в 1908, 1909, 1912, 1913, 1930 гг.⁵⁷ Теоретические построения опирались главным образом на логические реконструкции механизма образования австралийских секций путем скрещивания или какого-то иного преобразования неких гипотетических “исходных родов”. А ведь к 1970-м годам фактический материал по этому предмету чрезвычайно разросся и усложнился. Да и теоретические работы, в которых, в частности, двойной десцент рассматривался как явление функциональное и отнюдь не исключительное, уже были давно написаны⁵⁸. Кроме того, вряд ли к данной теме можно подходить только с позиций австраловедения и ограничивать полемику сравнительно второстепенным вопросом о матри- и патрилинейности, не поднимая острых вопросов, связанных с теорией родовой организации в целом. Словом, дискуссия как в зеркале отразила тяжелые последствия 40-летнего подавления отечественного исследовательского процесса.

Но в одном оппоненты Ю.И. Семенова по этой дискуссии были правы: “австралийскую контроверзу” он не разрешил. Утверждая в 2001 и в 2003 гг. обратное, он ошибается, равно как и весьма некорректно подкрепляет свои утверждения ссылками на факты и литературу.

Так, Ю.И. Семенов пишет, что “практически у большинства, если ли не у всех австралийцев, обнаружено сосуществование материнских и отцовских родов, т.е. двойная филиация”⁵⁹. Это не так. Относительно многих районов, изучавшихся ранними авторами, мы просто не знаем, были ли там унилинейные десцентные группы вообще. Относительно значительной части страны доподлинно известно, что патрилинейные родственные структуры, именуемые кланами, преобладали. Матрилинейные кланы были более редкими даже в сочетании с патрилинейными. Встречались также билатеральные и амбилинейные структуры. Имелись районы, в которых существовал исключительно патрилинейный десцент: патрилинейными были и кланы, и тотемические группы и половины (фратрии). Например, северо-восток Арнемленда.

В подавляющем большинстве обществ аборигенов, достоверно изученных этнографически, именно патрилинейные родственные связи регулировали землепользование. Однако даже патрилинейные десцентные группы в значительной своей части пребывали в дисперсном состоянии: так называемое локализованное патрилинейное ядро составляло меньшую часть локальной группы (общины); не только женщины, но и многие мужчины, связанные патрилинейным родством, жили в разных местах и входили в состав разных локальных групп. Высокая степень дисперсии патрилинейных десцентных групп побудила даже некоторых исследователей не считать их дискретными социальными единицами и говорить не о патрилинейных кланах, а лишь о выраженной патрилинейной идеологии аборигенов. Патрилинейные связи играли ведущую роль в социальной организации большинства австралийских обществ, но не формировали устойчивых корпоративных объединений, которые в отечественной этнологии привычно связывать с понятием “рода”. Все австралийские матрилинейные родственные группы, известные этнографам, были экстерриториальны: даже малочисленные “локализованные ядра” не зафиксированы; члены матрилинейных десцентных групп всегда распределялись по обширным территориям дисперсно⁶⁰. Этого

достаточно, хотя можно было бы и продолжить. Отметим только, что приведенное выше обобщение Ю.И. Семенов никакими ссылками на источники не подкрепляет.

Далее Ю.И. Семенов утверждает, что нигде в мире не зафиксированы переходы от патрилинейности к матрилинейности, но во множестве зафиксированы обратные переходы и что наличие двойного десцента есть неоспоримое свидетельство идущего процесса перехода от матрилинейности к патрилинейности⁶¹. В подтверждение он дает ссылки на “Социальную структуру” Дж. Мердока. Заметим, книга была издана в 1949 г. Но что же на самом деле пишет Мердок на указанных Ю.И. Семеновым страницах?

Мердок – убежденный “антиэволюционист” – на с. 190, 206, 207, 216, 217 добросовестно анализирует приводившиеся его единомышленниками (другими антиэволюционистами) примеры перехода от патрилинейности к матрилинейности и признает их неубедительными. Неубедительность конкретных примеров перехода от патрилинейности к матрилинейности не равноценна утверждениям об отсутствии таких примеров вообще, хотя Мердок и высказывает очень интересные соображения о том, почему *прямой* переход от патрилинейности к матрилинейности “затруднен” или даже практически невозможен. Именно то, что прямой переход от патрилинейности к матрилинейности в принципе не реален, пишет Мердок, разрушает “последний бастион эволюционистской теории”, так как отсутствие фактов, которых быть не может, никак нельзя считать доказательством “приоритета матрилинеата”⁶².

Сказанное, однако, не значит, что переход от патрилинейности к матрилинейности вообще исключен. Но такому переходу, по Мердоку, как правило, должна предшествовать “стадия” временной билатеральности или двойного десцента. Прямые же переходы от матрилинейности к патрилинейности “не затруднены” и действительно наблюдались исследователями. Далее он пишет о двойном десценте как о явлении весьма распространенном в так называемых традиционных обществах и могущем свидетельствовать о протекании процесса перехода от одного типа линейности к другому. При этом, считает он, если в одном обществе сосуществуют матрилинейные и патрилинейные институты и если известно, что они генетически связаны между собой, то можно быть уверенным, что матрилинейные возникли раньше патрилинейных, а не наоборот. Это, однако, отнюдь не значит, что такая последовательность универсальна, т. е. что патрилинейные структуры всегда возникают после матрилинейных. Заключает же все это Мердок следующими фразами, которые мы приводим в переводе (а в примечании даем английскую цитату): “Эти обобщения, конечно, ни в коем случае не могут быть использованы в поддержку эволюционистской теории о приоритете матрилинеата. Напротив, поскольку социальная организация предков почти всех групп, которые уцелели до сего дня, должна была претерпеть множество преобразований в течение длительного течения человеческой истории, постольку тот факт, что последним был переход от матрилинейности к патрилинейности или к двойному десценту, ни в коем случае не означает, что матрилинеат был самой первой формой в серии сменявших друг друга форм”⁶³. Как-то очень лукаво опирается Ю.И. Семенов на Мердока.

Если с Мердоком дело обстоит именно так, то стоит ли всерьез рассматривать формулировки вроде следующей: “как признают практически все западные этнографы...”⁶⁴ “Все западные этнографы” редко признают одно и то же, тем более по таким сложным и недостаточно обеспеченным информацией вопросам. Аналогично следует отнестись и к формулировкам типа “вряд ли сейчас следует доказывать универсальность не просто даже рода, но дуально-родовой организации в прошлом человечества. Об этом свидетельствуют все собранные к нашему времени этнографией данные. Во всех безродовых первобытных обществах без исключения обнаружены пережитки родовой организации”⁶⁵. Надо еще, чтобы “все без исключения исследователи” признали “пережитками” то, что Ю.И. Семенов считает таковыми. Но это вряд ли.

Не можем мы обойти и один частный момент. Обвиняя Кабо и его единомышленников в “фальсификаторстве”, Ю.И. Семенов ограничивается примером одного Ка-

бо, который якобы универсализировал (распространил на весь австралийский континент) модель общинной структуры, описанную М. Мэггитом и Л. Хайэтом для валбири и гиджингали (сообщества двух несоприкасающихся районов Северной территории). В.Р. Кабо этого не делал. Может быть, в работе 1968 г. он придал новым в то время материалам Мэггита и Хайэта слишком большое значение, но и тогда не рассматривал их модель как универсальную для Австралии. В книге же “Первобытная доземледельческая община” (1986) он приводит эту модель как один из множества различных вариантов структуры австралийских общин – вариантов, рассматриваемых на удивление скрупулезно и даже дотошно⁶⁶. Отметим, что эта книга была первой (и до сих пор остается единственной) в отечественной литературе работой, автор которой стремился к возможно более полному охвату накопленного к тому времени материала по зарубежным охотничье-собираТЕЛЬским культурам. Там анализируются не только общины аборигенов Австралии и охотников-собираТЕЛЕЙ Северной и Южной Америки, но и африканских пигмеев, бушменов и хадза, а также охотников Южной и Юго-Восточной Азии. Кроме того, в книге предпринята попытка сопоставить этнографические материалы с археологическими и реконструировать доисторические формы общин. Мне трудно понять, как один человек смог охватить такое количество источников и сделать это столь добросовестно. Единственный упрек: В.Р. Кабо здесь также уклонился от анализа родственных структур аборигенов Австралии и не пошел дальше темной лошадки “тотемического рода”, прилагая этот “эпитет” к явно разным структурам, именуемым и описываемым австралийскими исследователями различно. Но надо же было что-то оставить и для последующих поколений.

И, наконец, последнее. Хочется прояснить вопрос с эволюционистами и “антиэволюционистами”. Эволюционистами в этнологии принято называть приверженцев упрощенных схем социальной эволюции, основанных на представлении об универсальных моделях развития человеческих обществ (по крайней мере, на ранних этапах истории), а “антиэволюционистами” – противников таких схем. Следовательно, в этнологии “антиэволюционисты” – это отнюдь не те, кто отрицает эволюцию социальных систем. Они отрицают лишь определенного типа концепции социальной эволюции. Ю.И. Семенов неверно именует Бахту, Бутинова, Кабо “антиэволюционистами”⁶⁷. В 1960–1970-е и даже в начале 1980-х годов они, как и Ю.И. Семенов, были приверженцами универсалистских моделей “первобытности”. Спор между ними и их противниками шел об отдельных положениях абстрактных конструкций: скажем, род или община являлись “производственными коллективами или основными социально-экономическими ячейками первобытного общества”. В 1960–1970-е годы Бахта, Кабо, Бутинов и другие их единомышленники отрицали не эволюционистскую парадигму в целом, а лишь ее вариант, восходящий к Моргану и Энгельсу. Замечено, что бои в одном лагере всегда бывают особенно ожесточенными.

Однако в отличие от Ю.И.Семенова, многие его коллеги с тех пор эволюционировали в сторону антиэволюционизма и отошли от упрощенных представлений о “первобытности” как о формации, или эволюционной стадии, к которой равно можно отнести и древних, и современных охотников и собирателей, а также мотыжных (“ранних”) земледельцев. Произошло это и с В.Р. Кабо. Уже в книге “Первобытная доземледельческая община”, которую Ю.И. Семенов почему-то обходит вниманием, Кабо пишет о двух крупных блоках, из которых строятся культуры первобытных обществ; один из них характеризуется “бесконечной вариативностью”, другой, включающий базисные социально-экономические явления, – “однотипностью”. Правда, “однотипность”, “базисные” сходства социальных систем охотников и собирателей, он, на мой взгляд, сильно преувеличивает.

Еще дальше отошел В.Р. Кабо от классического эволюционизма в недавних работах, опубликованных в Австралии. Его исследовательские интересы развивались в соответствии с некоей внутренней логикой интеллектуальных процессов в гуманитарных науках. Начав с материальной культуры, он постепенно пришел к социальной организации, а затем – к духовной жизни. В последние годы он опубликовал (на

русском и английском языках) несколько работ по первобытной религии, а также религии, мифологии и изобразительному искусству коренных австралийцев⁶⁸. Среди них есть весьма оригинальные, даже экстравагантные. Например, “Ванджина и икона. Живопись аборигенов Австралии и русская иконопись” (2001).

Будучи горячей сторонницей взыскательной аналитической критики, я готова приветствовать суровость и резкость суждений или даже безжалостную насмешку над нелепой идеей, коль скоро отрицательные оценки подробно аргументированы. Но совершенно неприемлемыми представляются выход за пределы академической корректности, стремление ложно дискредитировать оппонента, “уязвить” его или извратить его взгляды. Тогда “не могу молчать”.

Чрезвычайно признательна своим учителям В.М. Бахте и В.Р. Кабо за многое, но более всего – за стремление привить мне преданность этнографическому факту. Отчасти могу считать себя ученицей С.А. Токарева. Он проявлял участие к моей работе и оказал на меня большое влияние. Очень обязана А.И. Першицу, который руководил сектором истории первобытного общества Института этнографии АН СССР (в этом секторе я начинала свою научную работу) и неизменно поддерживал меня, в том числе в попытках противостоять официальным доктринам.

Выражаю также признательность Н.Н. Садомской за хорошие советы при подготовке этой статьи.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Артемова О.Ю.* А.Н. Максимов и его исследования. Нетускнеющее обаяние критического ума // *Максимов А.Н.* Избр. тр. М., 1997. С. 453–496.

² *Золотарев А.М.* Происхождение экзогамии // Изв. ГАИМК. Т. 10. Вып. 2/4. 1931. С. 1–67; *Преображенский П.Ф.* Первобытный монотеизм у огнеземельцев // УЗИИ. 1929. Т. 1. С. 201–253; *Токарев С.А.* О системах родства у австралийцев (к вопросу о происхождении семьи) // Этнография. 1929. № 1. С. 23–53.

³ *Гиренко Н.М.* Динамика биосоциальной системы // *Africana.* Африканский этнограф. сб. Вып. 15 (Тр. Ин-та этнографии (далее – ТИЭ) АН СССР. Т. 116). Л., 1991. С. 6.

⁴ *Максимов А.Н.* К вопросу о методах изучения семьи // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1899. № 4. С. 1–35. Цит. по: *Максимов А.Н.* Избр. тр. С. 22.

⁵ Там же.

⁶ *Тумаркин Д.Д.* К вопросу о формах семьи у гавайцев в конце XVIII – начале XIX века // Сов. этнография (далее – СЭ). 1954. № 4; *Монгайт А.Л., Першиц А.И.* Некоторые проблемы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет // Вопр. истории. 1955. № 1; *Семенов Ю.И.* «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса и современные данные этнографии // Вопр. философии. 1959. № 7.

⁷ *Ольдерогге Д.А.* Эпигамия // Эпигамия. Избр. ст. М., 1983. (Впервые работа была опубликована в 1978 г.).

⁸ Ошибается Т.Д. Соловей, когда пишет, что А.Н. Максимов был ученым, одинаково хорошо владевшим как методикой полевых исследований, так и теоретическим анализом: *Соловей Т.Д.* “Коренной перелом” в отечественной этнографии (дискуссия о предмете этнографической науки: конец 1920-х – начало 1990-х годов) // ЭО. 2001. № 3. С. 103.

⁹ *Максимов А.Н.* Брачные классы австралийцев // ЭО. 1909. № 2 / 3. С. 1–32; *Он же.* Системы родства австралийцев // Там же. № 1. С. 35–100.

¹⁰ См., напр.: *Keen I.* Twenty-five years of Aboriginal kinship studies // *Social Anthropology and Australian Aboriginal Studies. A Contemporary Overview.* Canberra, 1988. С. 97–100.

¹¹ Ввиду ограниченности объема статьи и относительно частного характера проблемы мы не имеем возможности излагать его аргументацию и отсылаем заинтересованного читателя непосредственно к работе Максимова: *Максимов А.Н.* Групповой брак // ЭО. 1909. № 3. С. 1–48.

¹² *Преображенский П.Ф.* К вопросу о природе брачно-групповых отношений в Австралии // Тр. этнографо-археологического музея 1-го МГУ. 1927. Вып. 3.

¹³ *Максимов А.Н.* Материнское право в Австралии. М., 1930.

¹⁴ Подробнее см.: *Артемова О.Ю.* А.М. Золотарев: трагедия советского ученого // Репрессивные этнографы. Вып. 2. М., 2003. С. 193–226.

¹⁵ *Максимов А.Н.* Теория родового быта // Сборник в честь 70-летия Д.Н. Анучина. М., 1913. Цит. по: *Максимов А.Н.* Избр. тр.; *Артемова О.Ю.* В очередной раз о “родовом быте” и об “австралийской контроверзе” // Ранние формы социальной организации. СПб., 2000.

¹⁶ *Золотарев А.М.* Происхождение... С. 31.

¹⁷ Там же. С. 33 и др.

¹⁸ *Keen I.* Op. cit. P. 99.

¹⁹ *Максимов А.Н.* Брачные классы... С. 30–32; *Семенов Ю.И.* Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа) // СЭ. 1970. № 1.

²⁰ *Золотарев А.М.* Происхождение... С. 55.

²¹ Keen I. Op. cit. P. 98–99.

²² Бывковский С.Н. Предисловие // Золотарев А.М. Происхождение... С. 3–7.

²³ Он выступил против моргановской периодизации первобытной истории, против отказа от новых данных в угоду ложным представлениям о непоколебимости идущих от Энгельса представлений, а также против гипотезы о кровнородственной семье: Золотарев А.М. “Происхождение семьи, частной собственности и государства” Ф. Энгельса и современная наука // Историк-марксист. 1940. № 12. С. 27–46; Он же. К истории ранних форм группового брака // Уч. зап. Московского областного педагог. ин-та. Т. 2. М., 1940. С. 154.

²⁴ Бутинов Н.А. С.А.Токарев – австроловед и океанист // Благодарим судьбу за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве – ученом и человеке. М., 1995. С. 118–133.

²⁵ Токарев С.А. Современное австроловедение (Библиографический очерк) // Этнография. 1928. № 1. Цит. по: Токарев С.А. Избранное. Теоретические и историографические статьи по этнографии и религиям народов мира. Т. 1. М., 1999. С. 5–35.

²⁶ Токарев С.А. О системах родства...

²⁷ Бутинов Н.А. С.А. Токарев – австроловед... С. 119.

²⁸ Токарев С.А. Общественный строй меланезийцев // Этнография. 1929. № 2; Он же. Родовой строй в Меланезии // СЭ. 1933. № 2–6.

²⁹ Напр.: Кричевский Е.Ю. Рец. С.А.Токарев. Родовой строй в Меланезии // ПИДО. 1934. № 4.

³⁰ Бутинов Н.А. С.А. Токарев – австроловед... С. 120–125.

³¹ Токарев С.А. Народы Австралии и Тасмании // Народы Австралии и Океании. М., 1956. С. 165–168, 254–259.

³² Там же. С. 165–168.

³³ В шутку сформулировал этот принцип В.М. Бахта гораздо позднее – на одной из университетских лекций (1974) в ответ на мой вопрос о том, как советские этнологи увязывают низкий статус женщин у австралийских аборигенов с догматическим положением о первобытном равенстве полов.

³⁴ Токарев С.А. Народы Австралии и Тасмании. С. 173–174, 201.

³⁵ Там же. С. 162.

³⁶ Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972.

³⁷ Токарев С.А. Народы Австралии и Тасмании. С. 204–205.

³⁸ Бахта В.М. Общественное производство аборигенов Австралии и папуасов Восточной Новой Гвинеи. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1963; Кабо В.Р. Каменные орудия австралийцев // Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов (ТИЭ АН СССР. Т. 80). М.; Л., 1962; Он же. Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969; Он же. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.

³⁹ Бахта В.М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество // ПИДО. 1968; Бутинов Н.А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Там же; Кабо В.Р. Первобытная община охотников и собирателей // Там же и др.

⁴⁰ Кабо В.Р. История первобытного общества и этнография (К проблеме реконструкции прошлого по данным этнографии) // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. М., 1972; Он же. Австралийская община // Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М., 1979; Он же. Первобытная доземледельческая община. М., 1986 и др.

⁴¹ Семенов Ю.И. Разработка проблем истории первобытного общества в Институте этнографии АН СССР в “эпоху” Бромлея (воспоминания и размышления) // ЭО. 2001. № 6. С. 3–20; Ю.И. Семенов писал об этом и раньше: Он же. О различии между доказательствами ad veritatem и ad hominem, о некоторых моментах моей научной биографии и эпизодах из истории советской этнографии и еще раз о книге Н.М. Гиленко “Социология племени” // ЭО. 1994. № 6. С. 3–19. Почти то же самое повторил, правда, в более сдержанном тоне, Ю.И. Семенов и в публикации 2003 г.: Он же. О моем “пути в первобытность” // Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология в 1960–1990-е годы. М., 2003. С. 164–211.

⁴² Семенов Ю.И. Разработка проблем... С. 9–11.

⁴³ Кабо В.Р. Письма издалека // www.aboriginals.narod.ru

⁴⁴ Мне самой пришлось также услышать подобные обвинения в свой адрес от Ю.И. Семенова. Звучали они и в адрес других членов сектора на научных заседаниях из тех же уст.

⁴⁵ Кабо В.Р. В редакцию журнала “Этнографическое обозрение” // www.aboriginals.narod.ru

⁴⁶ Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974; см. также: Он же. Завершение становления человеческого общества и возникновение первобытной родовой общины // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 110–120.

⁴⁷ Radcliffe-Brown A.R. The Study of Kinship Systems // Journ. of the Royal Anthropological Institute, 1941. Перепечатано в: Radcliffe-Brown A.R. Structure and Function in Primitive Society. L., 1952. Цит. по: Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001.

⁴⁸ Семенов Ю.И. Происхождение брака...; Он же. Завершение становления... С. 111–120; Он же. Разработка проблем... С. 7–10; Он же. О моем “пути в первобытность”. С. 171–174.

⁴⁹ Fison L. The Nair Polyandry and the Dieri Pirrauru // Australian Association for the Advancement of Science, 4th Meeting. 1893. P. 689; Максимов А.Н. Групповой брак... С. 56.

⁵⁰ Бромлей Ю.В., Першиц А.И. Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972. С. 17–25; Першиц А.И. Проблема типо-

логизации общины в дореволюционной русской и советской этнографии (ТИЭ АН СССР. Т. 107). М., 1978. С. 148–149.

⁵¹ *Перишц А.И.* Проблема типологизации общины.

⁵² *Кабо В.Р.* Теоретические проблемы реконструкции первобытности // *Этнография как источник реконструкции первобытного общества*. М., 1979. С. 66.

⁵³ *Токарев С.А.* Народы Австралии... С. 166.

⁵⁴ Напр.: *Elkin A.P.* Australian Aborigines. N.Y., 1964. P. 144–147; *Peterson N.* Secular and ritual links: two basic and opposed principles of Australian social organization as illustrated by Walbiry ethnography // *Mankind*. 1969. Vol. 7. № 1. P. 29.

⁵⁵ *Семенов Ю.И.* Проблема перехода...

⁵⁶ *Членов М.А.* Можно ли считать “австралийскую контроверзу” разрешенной? // *СЭ*. 1971. № 4; *Семенов Ю.И.* Проблема соотношения отцовской и материнской филиации у аборигенов Австралии // *СЭ*. 1971. № 6; *Хазанов А.М.* Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичного материнского рода // *СЭ*. 1973. № 1; *Крюков М.В.* Дает ли система брачных классов ключ к разрешению “австралийской контроверзы”? // *СЭ*. 1974. № 3; *Членов М.А.* Еще раз об “австралийской контроверзе” и методике ее рассмотрения // *СЭ*. 1974. № 6; *Хазанов А.М.* О связи линейности и локальности с образом жизни // Там же.

⁵⁷ *Максимов А.М.* Групповой брак; *Он же.* Брачные классы...; *Он же.* Системы родства...; *Он же.* Теория родового...; *Он же.* Материнское право...

⁵⁸ См., напр.: *Radcliffe-Brown A.R.* Matrilineal and Patrilineal Succession // *The Iowa Law Review*. 1935. Vol. XX. № 2. January. Перепечатано в: *Radcliffe-Brown A.R.* Structure and Function in Primitive Society. L., 1952. Цит. по: *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура...

⁵⁹ *Семенов Ю.А.* Разработка... С. 9.

⁶⁰ См., напр.: *Berndt R.M., Berndt C.H.* The World of the First Australians. Sydney, 1977. P. 40–43; *Elkin A.P.* Australian Aborigines. Sydney, 1979. P. 111–113, 118–121; *Brabander Dallas de.* Descent // *The Encyclopaedia of Aboriginal Australia*. Vol. I. Canberra, 1994. P. 271–273; *Horton D.* Clan // *Ibid.* P. 196–197; *Morphy H.* Ancestral Connections. Art and Aboriginal System of Knowledge. Chicago; London, 1991. P. 43–51; *Layton R., Rowell M.* Ayers Rock – Mount Olga National Park and Lake Amadeus Traditional Land Claim. Alice Springs: Central Land Council, 1979. P. 2; *Myers F.* Pintupi country, Pintupi self. Washington DC, 1991. P. 132–33; *Peterson N., Long J.P.M.* Australian Territorial Organization: A Band Perspective. Oceania Monograph № 30. Sydney, 1986. P. 59–60, 64–70 и др. См. также: *Артемова О.Ю.* В очередной раз...

⁶¹ *Семенов Ю.А.* Разработка... С. 9.

⁶² *Murdock J.P.* Social Structure. N.Y., 1949. P. 190.

⁶³ *Ibid.* P. 218–219. Цитата: “These generalizations, of course, can in no way be taken as supporting the evolutionist theory of the universal priority of the matrilineate. On the contrary, since the ancestors of nearly all groups which have survived until today must have undergone many changes in social organization during the long course of human history, the fact that the last transition in a particular series has been from matrilineal to patrilineal or double descent by no means implies that the matrilineate came first in the entire series”.

⁶⁴ *Семенов Ю.И.* Разработка... С. 9.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ *Кабо В.Р.* Доземледельческая... С. 35–82.

⁶⁷ *Семенов Ю.И.* Разработка...; *Он же.* О моем “пути в первобытность”. С. 164–165 и др.

⁶⁸ *Kabo V.R.* Australian Aboriginal Art and Russian Icon Painting // *Histories of Old Ages: Essays in Honour of Rhys Jones*. Canberra, 2001. P. 267–275; *Кабо В.Р.* Происхождение религии: История проблемы. Канберра, 2002; *Он же.* Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. Канберра, 2002; *Он же.* Ванджина и икона. Живопись аборигенов Австралии. Канберра, 2001.

O.Yu. Artemova. Domestic Theory of Primeval Society and Social Organization of the Australian Aborigines

The author demonstrates that hunter-gatherer studies in Russia emerged within a library-based tradition that focused on foreign literature. This tradition was aimed at building a general theory of human prehistory and social evolution. O.Yu. Artemova emphasizes the crucial role played by ethnographic information on the Australian aborigines in the formation of Russian and Soviet ethnological thought as a whole and the development of the so called theory of primeval society in particular.

Special attention is paid to the evolutionism and the antievolutionism as the main streams in the development of Russian and Soviet ethnological theory. The works of A.N. Maximov, A.M. Zolotarev and S.A. Tokarev are thoroughly analyzed and the theoretical controversies of the 1960–1970s as well as their resonances in contemporary publications are specially discussed. The views of V.M. Bahta, A.N. Butinov, V.R. Kabo and Yu.I. Semenov are analyzed.